

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ

Самые
ЖЕЛАННЫЕ
ЖЕНЩИНЫ

От НЕФЕРТИТИ до Софи ЛОРЕН
и ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ

Роковые женщины

Виталий Вульф

**Самые желанные женщины.
От Нефертити до Софи
Лорен и принцессы Дианы**

«Яуза»

2013

Вульф В. Я.

Самые желанные женщины. От Нефертити до Софи Лорен и принцессы Дианы / В. Я. Вульф — «Яуза», 2013 — (Роковые женщины)

Этим божественным женщинам поклоняются миллионы мужчин. Их прекрасные черты пленяют, вдохновляют, завораживают. Их «гений чистой красоты» восхищает весь мир. А их поразительные судьбы читаются как волнующий чувственный роман, который никого не оставит равнодушным. Эта книга – портретная галерея самых желанных и незабываемых женщин, от цариц до «звезд» экрана, от Нефертити и маркизы Помпадур до Одри Хепберн, Софи Лорен, Брижит Бардо, Грейс Келли, принцессы Дианы, Катрин Денев и Синди Кроуфорд.

© Вульф В. Я., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Нефертити. Красота пришла	6
Маркиза де Помпадур. Сердце короля	11
Одри Хепберн. Ангел с печальными глазами	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь

Самые желанные женщины. От Нефертити до Софи Лорен и принцессы Дианы

©Чеботарь С., 2013

©ООО «Издательство «Яуза», 2013

©ООО «Издательство «Эксмо», 2013

©ООО «Текстура-пресс», 2013

©Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильма)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Нефертити. Красота пришла

Ее лицо, изысканное и одухотворенное, сейчас считается эталоном красоты, вдохновляя многих на сочинения легенд о его обладательнице.

Прошло три с половиной тысячелетия, пески времени давно поглотили страну, которой она правила, превратив в прах все, что ее окружало, но, извлеченная из небытия, Нефертити снова властвует над миром...

Каждый, кто хоть раз видел ее изображение, уже никогда не забудет прекрасную египетскую царицу. Ее лицо, изысканное и одухотворенное, сейчас считается эталоном красоты, вдохновляя многих на сочинения легенд о его обладательнице. Прошло три с половиной тысячелетия, пески времени давно поглотили страну, которой она правила, превратив в прах все, что ее окружало, но, извлеченная из небытия, Нефертити снова властвует над миром.

В декабре 1912 года сотрудники археологической экспедиции Германского Восточного общества под руководством профессора Людвига Борхарда, уже несколько лет раскапывающей окрестности египетской деревушки эль-Амарна, разбирали древний мусор, найденный в одном из раскопанных домов. Неожиданно среди песка и черепков они увидели лицо – великолепно сохранившийся (лишь было разбито одно ухо и отсутствовал левый зрачок) бюст женщины, совершенной в своей красоте, изящности линий и живости черт.

На прекрасную незнакомку сбежались посмотреть все члены экспедиции – многие потом признавались, что позже красавица не раз являлась им во сне. В тот день профессор Борхард записал в своем дневнике: «Она дышит жизнью... Это невозможно описать словами, это надо видеть». Как оказалось, это было изображение Нефертити, прекрасной царицы XVIII династии. Позже в том же доме – как считается, мастерской скульптора Тутмеса – были найдены еще несколько изображений Нефертити, а также ее дочерей и мужа – фараона Эхнатона. Лишь левый глаз статуи так и не был найден: позже установили, что его никогда не было. Считается, что это свидетельствует о том, что портрет прижизненный: по обычаю второй глаз статуе должны были вставить лишь после смерти, вселив в нее таким образом душу умершей.

В то время – да и сейчас – Египет позволял иностранным делегациям проводить раскопки на своей территории лишь с условием, что половина всех найденных сокровищ – на усмотрение египетской стороны – останется в стране. Но профессор Борхард так не хотел расставаться с бюстом царицы, что пошел на хитрость: он показал инспектору из службы охраны древностей Гюставу Лефевру снимок бюста, сделанный при плохом свете и с невыгодного ракурса, и к тому же указал в документах, что тот выполнен из гипса, а не из известняка. Невыразительная, судя по фотографии, работа не заинтересовала Лефевра, и бюст был беспрепятственно вывезен в Берлин.

В 1920 году он был подарен Берлинскому музею, и с тех пор началась всемирная слава Нефертити, не угасающая до сих пор. Возможно, свою роль в ее известности сыграл стиль ар-деко, зарождающийся в то время: лаконичные чистые линии и яркие цвета как нельзя лучше отвечали требованиям времени. С тех самых пор бюст Нефертити, наряду с маской Тутанхамона, силуэтами пирамид и обликом Сфинкса, символизирует для нас высокую культуру Древнего Египта.

Интерес к статуе закономерно вызвал и интерес к судьбе изображенной женщины – царицы Нефертити. Однако долгое время археологам удавалось найти о ней лишь отдельные упоминания, да и сейчас о Нефертити известно слишком мало, чтобы можно было однозначно судить о ее биографии. Между тем неослабевающее желание публики знать о древней красавице как можно больше побуждало историков сочинять одну версию ее жизни за другой – и теперь из имеющихся десятков вариантов каждый может выбрать версию себе по вкусу.

Ее имя традиционно переводят как «красота пришла». О ее происхождении мало что известно точно. Одни исследователи считают, что ее настоящее имя – Тадухиппа, и она была дочерью царя Митанни Тушратты, которую выдали замуж за Аменхотепа III. В Египте она по традиции приняла новое имя, которое достаточно ясно говорит о том, что его носительница иноземного происхождения. После смерти мужа молодая вдова, согласно обычаю, стала супругой его сына Аменхотепа IV, со временем добившись положения главной жены. Другие считают, что Нефертити – чистокровная египтянка и ее родителями были Эйе, один из ближайших сподвижников фараона Аменхотепа III, и его жена Тии – кормилица Аменхотепа IV. По крайней мере царица Мутнеджемт, младшая сестра Нефертити, открыто называет Тии

матерью. Они происходили из города Коптоса, и их предки были жрецами. Существует также предположение, что Эйе был братом Тий – главной и любимой жены Аменхотепа III. Тий (Тия или Тейе) имела огромное влияние на своего супруга: она играла при его дворе очень заметную роль, вместе с мужем принимая участие во всех дворцовых церемониях и праздниках, а также сопровождая его в поездках по стране. Сторонники египетской версии происхождения Нефертити считают, что именно Тий избрала ее в жены для своего сына: девушка происходила из приближенной ко двору семьи и к тому же отличалась необыкновенной красотой.

Юный Аменхотеп IV, занявший трон приблизительно в 1351 году до нашей эры, души не чаял в красавице-жене: их любви посвящены многочисленные фрески и рельефы, а также письменные тексты. Фараон, называвший жену «Усладой своего сердца», обращался к ней в одном из писем: «Любовь моя, Королева Юга и Севера, Возлюбленная моя, Нефертити, я бы хотел, чтобы ты жила вечно». На одном из рельефов даже изображен поцелуй Аменхотепа и Нефертити – считается, что это первое изображение любовной сцены в истории искусства. Портреты и статуи Нефертити встречаются гораздо чаще изображений ее супруга – по всей видимости, почитание прекрасной царицы было распространено по всей стране. Она завоевала любовь народа не только редкостной красотой, но и умом, обаянием, самоотверженностью и, конечно же, той глубокой любовью, которую она питала к своему супругу, – в царских семьях, где браки заключались исключительно по политическим соображениям, явление редчайшее во все времена.

Едва взойдя на престол, молодой фараон Аменхотеп ввел реформу, не имеющую себе равных по смелости замысла и размаху: в противовес многочисленным египетским богам он создал культ бога Атона, чьим олицетворением объявил солнечный диск. Как полагают исследователи, целью этой реформы было ослабить египетское жречество, захватившее слишком много власти, а также обеспечить с помощью единого культа единство довольно разрозненного египетского населения. Поначалу Атон мирно соседствовал с культами прежних богов – он лишь был провозглашен верховным божеством, так же, как солнце стоит выше всего мира. Но со временем Атон был объявлен единственным богом: храмы прежних богов были закрыты, жрецы разогнаны, их статуи разрушены. Себя же фараон объявил воплощением Атона, бессмертным абсолютным божеством, ведающим жизнями подданных и судьбой всего мира.

В религиозных церемониях, которыми сопровождался культ фараона, Нефертити принимала самое непосредственное участие: она была первой жрицей бога-фараона, его верной спутницей и соратницей. Вместе с мужем она насаждала новую веру, искренне и страстно служила и новому культу, и собственному мужу. Нефертити стала живым воплощением солнечной силы, дарующей жизнь всему существу: ей и ее статуям возносились молитвы и приносились жертвы. «Она проводит Атона на покой сладостным голосом и прекрасными руками с систрами, – написано о ней на стене гробницы одного из вельмож ее супруга, – при звуке голоса ее ликуют». Другой текст называет ее «красавицей, прекрасной в диадеме с двумя перьями, владычицей радости, полной восхвалений, преисполненной красотами».

По версии иноземного происхождения Нефертити, культ солнца-Атона в Египет принесла именно она: митаннийцы издревле поклонялись солнцу, и будто бы прекрасная царица смогла обратить в свою веру и супруга.

В честь бога Атона были изменены имена фараонской четы, их детей и приближенных: Аменхотеп берет себе имя Эхнатона (Их-не-Айти, «Полезный для Атона»), а Нефертити отныне именуется Нефер-Неферу-Атон – «Прекрасная красотой Атона», то есть «красотой подобная солнцу». В трехстах километрах к северу от прежней столицы, прекрасных и пышных Фив, Эхнатон приказал построить новую – Ахет-Атон (Ах-Йати, «Заря Атона»), где строятся роскошные храмы и дворцы. Самым распространенным сюжетом росписей и барельефов, украсивших стены новой столицы, были удивительно реалистичные для жестко регламентированного египетского искусства изображения фараона, его супруги и их детей: вот Нефертити

сидит на коленях у мужа, вот они играют с детьми, вот она с дочерьми молится богу Атону – диску со множеством рук. Любовь фараона и его жены стала символом нового правления и залогом благоденствия для всей страны.

Однако годы шли, а Нефертити так и не смогла подарить мужу сына и наследника: одна за другой у нее родились шесть дочерей. Как полагают исследователи, это стало причиной охлаждения фараона к прежде обожаемой супруге. Все чаще рядом с именем фараона упоминается не Нефертити, а Кийа – прежде второстепенная царица, теперь же полноправная правительница, владычица сердца Эхнатона. До нас дошли даже стихи, которые фараон посвятил своей новой любви. Имя же Нефертити постепенно исчезло из обихода – скорее всего, опальная царица жила в одном из загородных дворцов, проводя дни в сожалениях о прошлом.

Однако есть и другая версия разлада между Нефертити и ее мужем: в последние годы Эхнатон, под влиянием матери и под давлением обстоятельств, уже не так ревностно служил новому культу, вернув жрецам прежних богов многие права. Нефертити, которая была ревностной почитательницей культа Атона, не простила своему мужу предательства и удалилась от двора.

Есть и третья, самая фантастическая версия: будто бы Эхнатон, отчаявшись дождаться от супруги наследника, но по-прежнему любя ее, взял себе новую жену – собственную дочь Меритатон, – а Нефертити сделал своим соправителем под мужским именем Сменхкара. Когда же Эхнатон скончался, Сменхкара правил Египтом единолично. Эта версия основывается на том, что у Нефертити и Сменхкары одинаковые личные и тронные имена.

Однако большинство ученых полагают, что Сменхкара был младшим братом Эхнатона или сыном от Кийи: он был женат на Меритатон и коронован еще при жизни Эхнатона, дабы избежать возможных споров о наследовании. Сменхкаре наследовал Тутанхатон, сын Эхнатона и Кийи, женатый на его дочери от Нефертити по имени Анхесенпаатон. Он окончательно отошел от культа Атона и даже сменил свое имя, назвавшись Тутанхамоном – благодаря счастливой случайности, не позволившей грабителям обчистить его гробницу, ныне он один из самых известных фараонов, хотя ничего великого он за свою жизнь не совершил.

Как считает большинство историков, Нефертити скончалась в Фивах незадолго до своего сорокалетия. Место ее захоронения неизвестно.

В 2003 году английский археолог Джоан Флетчер высказала предположение, что мумия, известная под номером 61072, принадлежит Нефертити. С помощью компьютерных технологий экспертам удалось на основе рентгеновских снимков мумии воссоздать ее облик – и, к изумлению самих ученых, полученное лицо было удивительно похоже на бюст, найденный когда-то профессором Борхардом в мастерской Тутмеса. Хотя исследование Флетчер было подвергнуто жестокой и местами справедливой критике, все равно хочется верить, что тело прекрасной царицы наконец было найдено.

Маркиза де Помпадур. Сердце короля

Говорили, что страной правит не король, а маркиза де Помпадур. Она держала себя так, как будто бы сама была королевской крови: в своих покоях, которые когда-то принадлежали мадам де Монтеспан, всемогущей фаворитке Людовика XIV, она принимала министров, послов и королевских особ. Даже родственники Людовика должны были просить у нее аудиенции...

Она не обладала ни блестящей родословной, ни особыми талантами, не была ни выдающейся красавицей, ни гением в политике, но ее имя давно стало нарицательным, обозначая и целую эпоху, и явление фаворитизма. Жизнь урожденной Жанны-Антуанетты Пуассон наглядно доказывает, что любая может войти в историю – если только приложит к этому достаточно усилий.

Родителями будущей маркизы считаются Франсуа Пуассон, бывший лакей, дослужившийся до интенданта, и Луиза-Мадлен де ла Мотт. Считаются, потому что весьма вольное поведение красавицы Луизы дает историкам основание сомневаться в отцовстве ее супруга: по их мнению, отцом Жанны скорее всего был финансист, бывший посол в Швеции Ленорман де Турнем. Именно он заботился о Луизе и ее детях, когда Франсуа Пуассон, проворовавшись, сбежал из страны.

Жанна-Антуанетта появилась на свет 29 декабря 1721 года в Париже. Девочка росла, окруженная всеобщей любовью: она была очаровательна, покладиста, умна и очень хороша собой. Благодаря средствам де Турнема Жанна воспитывалась в монастыре урсулинок в Пуасси: вспоминают, что юная Жанна чудесно пела – позже ее красивым чистым голосом будут восторгаться придворные музыканты – и великолепно декламировала, выказывая немалый драматический талант. Возможно, сложились обстоятельства по-другому, и из Жанны вышла бы превосходная актриса, но ей была уготована другая судьба: однажды известная гадалка мадам Лебон предсказала девятилетней Жанне, что когда-нибудь она покорит сердце самого короля.

Предсказание произвело неизгладимое впечатление и на Жанну, и на ее мать, которая во что бы то ни стало решила воспитать из дочери достойную спутницу монарха. Она наняла для девочки лучших учителей, которые обучали ее пению, игре на клавикордах, рисованию, танцам, этикету, ботанике, риторике и сценическому искусству, а также умению одеваться и вести светские беседы. За все платил де Турнем – у которого на девочку были свои планы.

Едва Жанне исполнилось девятнадцать лет, де Турнем устроил ее свадьбу с собственным племянником: Шарль-Гийом Ленорман д'Этиоль был на пять лет старше своей невесты, некрасив и стеснителен, однако Жанна не раздумывая согласилась на брак: де Турнель пообещал новобрачным составить завещание в их пользу, часть из которого преподнес им в качестве свадебного подарка.

Семейная жизнь оказалась неожиданно счастливой: муж был совершенно очарован своей хорошенькой женой, а она наслаждалась спокойной жизнью в имении Этиоль, расположенном на границе Сенарского леса – любимых королевских охотничьих угодий. Муж был рад исполнить любую ее прихоть: Жанна не знала недостатка в нарядах и драгоценностях, у нее были прекрасные экипажи и даже домашний театр, который любящий супруг организовал, дабы его обожаемая жена могла развлекаться игрой на сцене. Жанна по-своему любила мужа: вспоминают, что она не раз говорила ему, что никогда его не оставит – разве что ради самого короля. Она родила мужу двух детей: сына, умершего вскоре после рождения, и дочь Александрину-Жанну – в семье ее звали Фанфан.

Молодая мадам д'Этиоль была счастлива, но ей было скучно в узком семейном кругу – и она, по примеру многих светских дам, устроила у себя салон. Уже скоро в обществе стали говорить, что мадам д'Этиоль весьма обходительна, остроумна, очень хороша собой и к тому же на удивление умна. В ее салоне стали бывать светские львы и актеры, ученые мужи и политики: среди постоянных гостей называют знаменитого философа Шарля де Монтескье, известного драматурга Проспера Кребиллона, прославленного ученого Бернара де Фонтенеля и даже Вольтера, весьма ценившего мадам д'Этиоль за ум, обаяние и искренность. Сам председатель парламента Эно, постоянный участник вечерних приемов у королевы, говорил, что Жанна – прелестнейшая из всех женщин, которых он когда-либо видел: «Она прекрасно чувствует музыку, очень выразительно и вдохновенно поет, наверное, знает не меньше сотни песен».

О ее внешности сохранилось немало свидетельств, но таких противоречивых, что теперь нелегко разобраться в том, как же именно выглядела Жанна. Маркиз д'Аржансон писал: «Она была блондинкой со слишком бледным лицом, несколько полновата и довольно плохо сложена, хотя и наделена грацией и талантами». А обер-егермейстер Версаля описывал ее как элегантную женщину среднего роста, стройную, с мягкими непринужденными манерами, обладавшую лицом безукоризненной овальной формы, прекрасными, с каштановым отливом волосами, довольно большими глазами, прекрасными длинными ресницами, прямым, совершенной формы носом, чувственным ртом, очень красивыми зубами. По его словам, у Жанны был чарующий смех, всегда прекрасный цвет лица, а глаза неопределенного цвета: «В них не было искрящейся живости, свойственной черным глазам, или нежной истомы, свойственной голубым, или благородства, свойственного серым. Их неопределенный цвет, казалось, обещал вам негу страстного соблазна и в то же время оставлял впечатление какой-то смутной тоски в мятущейся душе...»

Уже скоро мадам д'Этиоль блистала в парижском свете, что для дочери бывшего лакея было невероятным достижением, но Жанна мечтала о большем: она прекрасно помнила, что ей суждено покорить сердце самого короля. В надежде встретиться с ним Жанна, одетая в свои самые элегантные наряды, частенько выезжала в Сенарский лес, где любил охотиться король Людовик XV – говорят, молодая красавица привлекла внимание короля, и тот соизволил послать ее супругу оленью тушу. Мсье д'Этиоль был столь рад знаку королевского внимания, что велел сохранить оленьи рога – что его жена сочла добрым знаком: в скором времени ее муж будет носить рога от самого короля. Однако Жанну заметил не только Людовик, но и его официальная фаворитка, всесильная герцогиня де Шатору: она немедленно потребовала от мадам д'Этиоль «избавить короля от ее назойливого внимания». Жанне пришлось отступить.

В декабре 1744 года герцогиня де Шатору неожиданно скончалась: вспоминают, что король так горевал, что, хотя некоторое время утешался с ее сестрой, не спешил выбирать новую фаворитку. Путь к сердцу короля оказался свободен.

В феврале 1745 года в Парижской ратуше давали бал-маскарад в честь бракосочетания дофина Людовика-Фердинанда и испанской принцессы Марии-Терезии: мадам д'Этиоль прибыла туда в костюме Дианы и всю ночь развлекала короля остроумной беседой, отказываясь снять маску. Лишь перед уходом Жанна показала королю свое лицо – и по всей видимости, король был впечатлен ее красотой. Когда Жанна, подобно Золушке, потерявшей на лестнице дворца туфельку, уронила на пол бальной залы свой платок, король поднял его и лично вернул даме: этикет рассматривал такой жест как слишком интимный, так что придворные не сомневались, что Людовик избрал себе новую любовницу.

Но их следующая встреча состоялась лишь в апреле: в Версале представляли итальянскую комедию, и то ли стараниями королевских распорядителей, то ли происками поддерживавших Жанну придворных она оказалась в ложе по соседству с королевской. Людовик пригласил Жанну на ужин – а на десерт Жанна подала королю себя.

Это едва не стало ее роковой ошибкой: наутро король сообщил своему камердинеру, что мадам д'Этиоль была весьма мила, но ею явно двигал корыстный интерес и честолюбие. Все это немедленно стало известно Жанне, не пожалевшей денег на подкуп королевских слуг. И она сделала самое умное, что могла: она исчезла с королевских глаз.

Обычно дамы, удостоенные королевского внимания, не исчезали после первой же встречи – напротив, они всячески набивались на вторую. Необычное поведение Жанны д'Этиоль заинтриговало короля, и он не переставал думать о ней. Когда она появилась снова, то разыграла перед Людовиком целый спектакль: она призналась ему в своей страстной и безграничной любви, пожаловалась на преследования ревнивого и жестокого супруга... И король, растроганный и очарованный, пал к ее ногам. Он пообещал Жанне, что сделает ее официальной фавориткой, едва вернется из похода во Фландрию.

Королю Людовику XV в то время было тридцать пять лет. Получив престол в раннем детстве, король всю молодость провел в разнообразнейших удовольствиях, предпочитая государственным делам изящные искусства, охоту и женщин. Он был женат на Марии Лещинской – женщине некрасивой и к тому же старше его на семь лет, которая после рождения десяти детей (из которых выжили семеро) отказалась делить с ним ложе, снисходительно наблюдая за чередой королевских любовниц. К тридцати пяти годам у короля было все, что он мог только желать, и в то же время он, все изведавший и все попробовавший, ничего уже не желал: пресыщение вызвало невыносимую скуку, развеять которую король уже и не надеялся.

Однако Жанна, прекрасно осведомленная о проблемах Людовика, взяла на себя обязанность всячески развлекать его. Сначала она писала ему изящные остроумные письма (править которые ей помогал аббат де Берни, также обучавший Жанну придворным манерам), потом делала все, чтобы король в ее обществе не скучал ни минуты. Возможно, именно этим Жанна д'Этиоль завоевала сердце короля, и именно так оставалась его владычицей до самой своей смерти.

Уже в мае Жанна развелась со своим супругом, а в июне Людовик пожаловал своей возлюбленной титул маркизы де Помпадур, к которому прилагались поместье и герб, а уже в сентябре новоиспеченную маркизу официально представили ко двору в качестве королевской фаворитки. Как ни странно, королева весьма благосклонно отнеслась к Жанне, отметив ее искреннюю привязанность к Людовику, ум и то уважение, с которым маркиза неизменно относилась к ее величеству. Известно, что она не раз говорила: «Если уж королю так нужна любовница, то лучше это будет мадам Помпадур, чем кто-нибудь еще». А вот придворные, оскорбленные и низким происхождением Жанны, и ее пока еще нередкими нарушениями прихотливого этикета, прозвали ее Гризеткой – намекая этим нелестным прозвищем на то, что для родовитых аристократов маркиза по сути своей является всего лишь высокопоставленной куртизанкой.

Однако Жанна не отчаивалась: она прекрасно понимала, что тот, кто владеет сердцем короля, может владеть и его подданными, а Людовиком она завладела накрепко. Король, очарованный красотой Жанны, ее остроумными беседами и утонченными любовными утехами, был по-настоящему влюблен. Однако Жанна понимала, что так короля не удержать: красавиц вокруг много, а Жанна к тому же от природы обладала холодным темпераментом, и изощренные постельные игры давались ей тяжело. Мадам де Помпадур постоянно принимала различные афродизиаки, чтобы распалить свою страсть, – шоколад, супы из сельдерея, трюфели, порошок из шпанских мушек, устрицы, красное вино с пряностями и так далее, но даже они со временем перестали оказывать нужное действие. Но Жанна сделала ставку не на секс: она, как никто, могла развлечь короля, развеять его скуку. Каждый день в ее салоне его встречали лучшие умы своего времени – Вольтер, Буше, Монтескье, Фрагонар, Бюффон, Кребийон беседовали с его величеством, и все неизменно с восхищением отзывались о маркизе. Она проявляла необыкновенную изобретательность в нарядах и прическах, никогда не представая перед королем дважды в одном и том же образе, и не жалела сил и средств на организацию многочисленных праздников, балов, вечеринок, маскарадов и концертов, неизменно поражающих оригинальностью идеи, тщательностью организации, роскошью и изысканностью. Нередко она организовывала для короля театральные представления – самые последние новинки лучших европейских драматургов разыгрывались перед королевской семьей, и всегда в главной роли выступала очаровательная маркиза, с блеском исполнявшая и комедийные, и драматические роли. Со временем Жанна даже создала в Версале, в одной из примыкавших к Медальонному кабинету галерей, собственный театр, названный «Камерным».

Со временем Жанна обрела неограниченное влияние не только на самого короля, но и на государственные дела: говорили, что страной правит не король, а маркиза де Помпадур. Она держала себя так, как будто бы сама была королевской крови: в своих покоях, которые когда-

то принадлежали мадам де Монтеспан, всесильной фаворитке Людовика XIV, она принимала министров, послов и королевских особ. Даже родственники Людовика должны были просить у нее аудиенции. Приемы проходили в роскошном зале, где стояло только одно кресло – для маркизы. Все остальные должны были стоять. Она настолько была уверена в своих силах, что даже захотела выдать свою дочь Александрину за сына короля от графини де Вентимиль, однако король, возможно в единственный раз, решительно отказал Жанне: вместо этого Александрину просватали за герцога де Пикиньи. Однако в тринадцать лет девушка внезапно скончалась – говорили, что ее отравили недоброжелатели маркизы, которых по мере усиления ее власти становилось все больше.

Маркиза де Помпадур и правда могла считаться всесильной. Все ее родственники получили титулы, должности и денежные подарки, все друзья сделали карьеру. Она привела к власти герцога Шуазеля, меняла по своему желанию министров и главнокомандующих и даже по собственному усмотрению вела внешнюю политику: именно по инициативе маркизы Франция заключила в 1756 году договор со своим традиционным противником Австрией, направленный против Пруссии, которая исторически всегда была французской союзницей. Согласно историческому анекдоту, к прусскому королю Фридриху II Жанна воспылила ненавистью после того, как ей доложили, что тот дал своей собаке кличку Помпадур. Хотя Вольтер приветствовал этот договор, отмечая, что он «объединил две страны после двухсот лет закланной вражды», в итоге он вышел Франции боком: разразившаяся Семилетняя война могла бы закончиться поражением Пруссии, но в итоге Франция оказалась среди проигравших: пришедший к власти в далекой России Петр III отказался от всех завоеваний, буквально подарив победу Фридриху. А если бы императрица Елизавета прожила хотя бы на месяц дольше, все было бы по-другому, и мадам де Помпадур вошла бы в историю как один из самых удачливых политиков современности.

Интересы Жанны не ограничивались политическими интригами: немало сил и денег она тратила на поддержку искусств, возродив обычай королевского меценатства. Она покровительствовала философам и ученым, выхлопотала пенсию Жану д'Аламберу и Кребийону, обеспечила издание первого тома прославленной Энциклопедии, оплачивала обучение талантливых студентов и издавала литературные труды, многие из которых благодарные авторы посвящали ей. В Париже она создала военную школу для сыновей ветеранов войн и обедневших дворян – прославленный Сен-Сир, деньги на строительство которого маркиза пожертвовала из своего кармана. В Севре она организовала фарфоровое производство, куда приглашала лучших химиков, скульпторов и художников. Со временем севрский фарфор стал конкурировать с прославленным саксонским, а особый розовый цвет в честь маркизы назвали «rose Pompadour». Первую продукцию маркиза выставила в Версале и лично продавала придворным, провозглашая: «Если тот, у кого есть деньги, не покупает этот фарфор, он плохой гражданин своей страны».

Благодаря милости и щедрости короля Жанна распоряжалась огромными суммами: историки подсчитали, что ее наряды стоили 1 миллион 300 тысяч ливров, косметика – три с половиной миллиона, театр обошелся в четыре, лошади и экипажи – в три, на драгоценности ушло 2 миллиона, а на прислугу – полтора. Четыре миллиона было потрачено на увеселения, а восемь – на меценатство. Огромных денег стоила недвижимость, которую Жанна скупала по всей стране, каждый раз перестраивая покупку по собственному вкусу, переделывая парки и обставляя новые дома изящной мебелью и произведениями искусства. Стиль, который создала маркиза, до сих пор называется ее именем – так же, как фасоны одежды, прически, оттенки помады. Говорят, что конусообразные бокалы для шампанского были придуманы ею и имеют форму ее груди и что именно она придумала маленькую сумочку на завязках, и поныне известную как «помпадур». Маркиза ввела в моду высокие прически и каблуки, потому что сама была маленького роста, а огранка бриллианта «маркиза» имеет форму ее губ.

К 1750 году маркиза поняла, что ее власть над королем слабеет: ей все труднее возбуждать его желание, все чаще Людовик заглядывается на молоденьких красавиц, которых всегда было много при дворе. И маркиза приняла единственно верное решение: она сама отказалась от королевской постели, предпочтя стать ему ближайшим другом. А чтобы ее место не заняла какая-нибудь хваткая девица, взяла подбор королевских любовниц в свои руки. В парижском квартале Парк-о-Серф, пикантно известном Оленьем парке, она оборудовала настоящий дом свиданий для Людовика: там жили молоденькие девушки, которые после прохождения необходимой подготовки попадали в постель к монарху, а затем выдавались замуж, получая «за службу» немалое приданое. Маркиза зорко следила за тем, чтобы любовницы менялись быстрее, чем успевали надоесть Людовику, и прежде, чем он успел бы привязаться к какой-нибудь из них – маркиза по-прежнему желала оставаться единственной повелительницей королевского сердца. Между тем сама Жанна чувствовала усталость от постоянной битвы за короля, за положение при дворе, за влияние. Она давно болела – туберкулез буквально пожирал ее изнутри, – хотя и не подавала виду, и ее все чаще посещали грустные мысли. «Чем старше я становлюсь, – писала она в одном из своих писем брату, – тем более философское направление принимают мои мысли... За исключением счастья находиться с королем, что, конечно же, радует меня больше всего, все остальное только переплетение злобы и низости, ведущее ко всяким несчастьям, что свойственно людям вообще. Прекрасный сюжет для размышлений, особенно для такой, как я».

Шли годы, и маркиза с печалью понимала, что ее красота поблекла, а молодость прошла. Король по-прежнему был рядом с нею, но его держала уже не любовь, а привычка: поговаривали, что он не отставляет ее из жалости, опасаясь, что чувствительная маркиза наложит на себя руки. Тем не менее он урезал Жанне содержание, так что ей пришлось распродавать свои драгоценности и дома, дабы иметь возможность по-прежнему роскошно принимать у себя его величество.

Весной 1764 года Жанна, которая по-прежнему сопровождала короля во всех поездках, почувствовала себя плохо. В замке Шуазель она упала в обморок, и стало ясно, что ее конец близок. Король велел привезти ее в Версаль – и хотя этикет строжайше запрещает всем, кроме короля, болеть и умирать в стенах королевской резиденции, маркиза де Помпадур испустила свой последний вздох в личных королевских покоях. Это случилось вечером 15 апреля 1764 года. Ей было 43 года.

Вольтер, ее старый и верный друг, был одним из немногих, кто искренне переживал ее смерть: «Я глубоко потрясен кончиной госпожи де Помпадур, – писал он. – Я многим обязан ей, я оплакиваю ее. Какая ирония судьбы, что старик, который едва в состоянии передвигаться, еще жив, а прелестная женщина умирает в 40 лет в расцвете самой чудесной в мире славы».

Похороны маркизы проходили в необыкновенно дождливый и ветреный день. «Какую отвратительную погоду вы выбрали для последней прогулки, мадам!» – заметил Людовик, наблюдавший траурную процессию с балкона своего дворца. Согласно этикету, сам он не мог присутствовать на похоронах. Маркизу погребли рядом с ее матерью и дочерью в усыпальнице монастыря капуцинов. По преданию, на ее могиле было написано: «Здесь покоится та, которая двадцать лет была девственницей, десять лет – шлюхой, а тринадцать лет – сводницей». Через полвека монастырь был разрушен, и могила маркизы была навсегда утрачена.

Одри Хепберн. Ангел с печальными глазами

В 2004 году компания Evian организовала своеобразные выборы самой красивой женщины всех времен и народов. Жюри, состоящему из редакторов ведущих модных журналов, фотографов и дизайнеров, был представлен список ста красавиц, из которых предстояло выбрать самую-самую, основываясь на ее «натуральной красоте, здоровом образе жизни, а также учитывая не только внешнюю, но и внутреннюю красоту». Три четверти голосов были отданы за Одри Хепберн. Как сказала редактор журнала Elle Роззи Грин, «Одри Хепберн – это воплощение природной красоты. Она обладала удивительным шармом, внутренней красотой, которая излучалась в ее улыбке».

К этому времени Хепберн не было в живых уже двенадцать лет, а в кино она перестала сниматься за несколько лет до смерти. Но ее красота – необыкновенная, волшебная, гениальная, – до сих пор живет в сердцах миллионов зрителей.

Она не была похожа на других звезд своего времени – чувственных, сексуальных красавиц с пышными формами. Одри любили за хрупкость, непосредственность, обаяние и аристократизм. Весь мир был уверен в том, что Одри, как и ее героиня в фильме «Римские каникулы», настоящая принцесса – настолько благородным был ее облик. И это отчасти было правдой – в жилах Одри текло немало голубой крови.

Мать Одри, дочь голландского барона Элла ван Хеестра, родилась в 1900 году. Род ван Хеестра брал свое начало в XVI столетии и состоял в родстве с половиной европейской знати, включая голландскую королевскую фамилию. Элла, ее четыре сестры и брат росли в любви и богатстве, хотя заветной мечте Эллы не суждено было сбыться – а мечтала она «быть стройной, быть актрисой и быть англичанкой». Неутомимая оптимистка с немалой долей романтизма в характере, Элла в первый раз вышла замуж в девятнадцать лет – за аристократа, королевского конюшего Яна ван Уффорда; как потом оказалось, редкостного зануду. Родив в скучнейшем браке двух сыновей, Элла добилась развода и уехала зализывать раны к отцу, который был губернатором в Суринаме. Здесь Элла влюбилась – ее избранником стал Джозеф Виктор Энтони Хепберн-Растон, наполовину англичанин, наполовину ирландец. Обычно его называют банковским служащим, хотя исследователи так и не смогли найти банка, в котором бы он работал. Правильнее было бы назвать его авантюристом. В 1926 году Элла и Джозеф поженились и переехали в Брюссель.

4 мая 1929 года в пригороде Брюсселя родилась девочка, которой дали имя Эдда Кетлин; ей было суждено прославиться под именем Одри.

Нельзя сказать, что детство Эдды-Одри было счастливым. Родители, оба обладавшие взрывными характерами, беспрестанно ссорились; старшие братья безобразничали и всячески изводили сестру. Лишенная любви, маленькая Одри набрасывалась на шоколад, поедая его в невероятных количествах. Как писала потом сама Одри, «шоколад был моей единственной любовью, и он меня ни разу не предал».

От шоколада Одри, естественно, толстела; заметив это, Элла велела прятать от нее шоколад, а сама объяснила Одри: есть так много – неприлично, истинная леди не должна весить больше 46 килограмм! Одри послушалась: она всю жизнь сохраняла вес около 45 килограмм. Но достигла она этого дорогой ценой: от переживаний она просто переставала есть...

Брак родителей, громко трещавший по швам, лопнул в 1935 году – однажды ночью Элла застала мужа в постели с няней. Его вещи тут же были выкинуты на улицу; когда дети проснулись, в доме уже не было ни няни, ни Джозефа.

Одри никогда не говорила об этом. Только однажды она написала, что в тот день, когда ушел отец, закончилось ее детство. Потерю отца она переживала всю жизнь.

После разрыва Элла с детьми переехала обратно в Нидерланды, в город Арнем. Одри, уже свободно владеющая английским и французским, овладела еще и голландским. Учебной Одри старалась заглушить свою сердечную боль, недостаток любви в семье. С детства любя-

щая танцевать, она в 1939 году поступила в балетный класс Арнемской консерватории. Одри занималась страстно, самозабвенно, но ей все равно казалось, что она слишком неуклюжа...

В мае 1940 года немцы оккупировали Арнем. Еще недавно Элли заверяли, что война не коснется Голландии и что нет необходимости уезжать в Англию, как она собиралась. А теперь в их особняке разместился штаб немецкой армии; брата Эллы расстреляли, а одного из сыновей забрали в немецкий трудовой лагерь. Чтобы не сойти с ума от страха и ужаса, Одри продолжала заниматься балетом – деньги на ее занятия Элла зарабатывала уроками бриджа. От постоянного голода у Одри началось малокровие, начали распухать ноги. После того как она чуть ли не месяц пряталась от немцев в подвале, питаясь шестью яблоками и половиной буханки хлеба, у нее началась еще и желтуха. Все это, несомненно, наложило свой отпечаток на внешность будущей звезды: ее хрупкая, тонкая фигура и огромные, словно испуганные, глаза – явные следы тех тяжелых лет. Если бы война не кончилась – Одри вряд ли бы выжила.

После войны Одри, как только позволило здоровье, снова вернулась к занятиям балетом. Сначала она занималась в классе известной преподавательницы танца Сони Гаскелл, а затем, переехав для этого в Англию, в школе «Балле Рамбер» у знаменитой Мари Рамбер. Однако вскоре стало ясно, что великой балериной Одри не стать. Тогда она стала пробовать свои силы в других сферах деятельности: снималась для модных каталогов, работала манекенщицей, снималась в рекламе – в своем первом ролике для авиакомпании KLM она снялась еще до переезда в Англию. Параллельно Одри работала в ночном клубе Cigo, где – несмотря на полное отсутствие необходимых в то время женщине округлостей – пользовалась большим успехом. Для имитации бюста Одри засовывала в декольте два свернутых носка. А ведь всего через несколько лет Билли Уайлдер назовет Одри «девушкой, благодаря которой роскошные женские бюсты выйдут из моды».

Одри выступала в кордебалете в мюзикле «Сапожки на застежках», в музыкальном ревю «Соус Тартар», а затем и в его продолжении «Пикантный соус». Ради участия в шоу Одри пришлось расстаться с занятиями балетом; вскоре ей пришлось расстаться с мюзиклами ради кино.

Режиссеры быстро заметили необычное лицо молодой актрисы, и Одри стали приглашать на эпизоды. В 1951–1952 годах Одри Хепберн появилась в семи картинах; критика ее игнорировала. Только Марио Дзампи, режиссер «Смех в раю», самого заметного из фильмов Одри того периода, сказал: «Настанет день, и она будет звездой!» История показала, что он был абсолютно прав.

Одри явно не хватало мастерства, но неумение играть она заменяла естественностью поведения и непреодолимым очарованием. Все, кто видел ее на экране, не могли ее забыть. После роли в фильме «Смех в раю» об Одри заговорила пресса – и дело было не только в ее игре, но и в том, что у юной актрисы завязался роман с одним из самых видных женихов Англии Джеймсом Хэнсоном, светским львом и будущим лордом. Они познакомились на вечеринке в Cigo; за развитием их романа следила вся Англия. В декабре 1951 года было объявлено о помолвке. Но пожениться никак не получалось – Одри внезапно оказалась завалена работой.

Съемки ее очередного фильма «Мы едем в Монте-Карло» (в американском прокате «Ребенок из Монте-Карло») проходили в Монако. Одри играла кинозвезду в платье от Диора – это платье должно было стать основной частью гонорара за фильм. Во время съемок Одри заметила знаменитая писательница Колетт – она как раз искала исполнительницу главной роли в бродвейском спектакле по ее роману «Жиж», скороспелую девочку-женщину, невинную и порочную одновременно. Колетт искала свою Жиж по всему свету уже несколько месяцев. Увидев Одри, она немедленно послала телеграмму в Нью-Йорк: «Я нашла свою Жиж! Она великолепна!» Однако Одри заупрямилась: она пыталась объяснить Колетт, что не является актрисой и играть на сцене совершенно не умеет. Однако после долгих уговоров она согласилась.

В то же время студия «Парамаунт» предложила Одри роль принцессы Анны в фильме «Римские каникулы» – первоначально роль предназначалась Элизабет Тейлор, но ее не отпустила студия MGM, с которой у Тейлор был контракт. Единственным условием «Парамаунта» было изменение фамилии Одри – чтобы не вызвать претензий со стороны кинозвезды Кэтрин Хепберн. Однако Одри заупрямилась: «Если вы хотите получить меня, вам придется взять меня вместе с моим именем». И студия сдалась. Тем более что ее проба была признана великолепной: руководство студии единодушно признало ее «одной из лучших, когда-либо делавшихся в Голливуде, Нью-Йорке или Лондоне».

31 мая 1952 года, едва закончив театральный сезон на Бродвее – в роли Жижки Одри имела шумный успех, – она вылетела в Рим на съемки «Римских каникул». Это была история Золушки наоборот: о принцессе, сбежавшей из дворца, чтобы хоть немного пожить обычной жизнью. Режиссером фильма был Уильям Уайлер, партнером Одри стал знаменитый Грегори Пек. Пек опекал Одри, учил ее держаться перед камерой, ободрял ее – и делал это так, что вскоре поползли слухи об их романе (на самом деле Пек в то время был увлечен журналисткой Вероникой Пассани, на которой вскоре и женился). В конце концов в Рим прилетел Хэнсон и пытался настоять на немедленной свадьбе. Но ничего не получилось – и вскоре пара объявила о разрыве. Одри сильно переживала, к тому же съемки проходили тяжело: в Риме было невыносимо жарко, толпы зевак мешали съемочной группе, Одри все еще не умела играть... Для нее всю жизнь будет непонятным, почему люди восхищаются ее актерским талантом; сама она считала, что актриса она никакая.

Успех фильма был необыкновенным. Свежесть, энергия, очарование и безыскусность Одри покорили зрителей, она моментально стала одной из ярчайших звезд Голливуда. Уайлер везде называл Одри третьим, после Греты Гарбо и Ингрид Бергман, чудом киногоеничности. За роль принцессы Анны Одри Хепберн – неопытная и неумелая – получила «Оскара». Ее стиль в фильме – темная юбка, мужская рубашка, перехваченная в талии широким ремнем (талия у Одри была всего 50 сантиметров!), носки под туфли на низком каблучке, – на несколько лет стал эталоном для модниц по всему миру. А стрижка «гамен» – «под Хепберн» – оставалась на пике популярности несколько десятилетий.

Еще до выхода «Римских каникул» в прокат Одри была предложена главная роль в фильме «Сабрина» – про настоящую Золушку, нашедшую своего принца. Вместе с Одри снимались Хамфри Богарт, прославившийся в «Касабланке», и Уильям Уолден; режиссером был Билли Уайлдер. Этот фильм принес Одри главное знакомство ее жизни – Юбера де Живанши.

Было решено, что парижские туалеты Сабрины должен делать настоящий французский кутюрье. Первоначально предполагалось обратиться к Кристобалью Баленсиаге, но тот работал над коллекцией и отказался. Тогда Одри предложила кандидатуру Живанши – с его работами она познакомилась еще во время съемок «Мы едем в Монте-Карло». Живанши только что ушел от Эльзы Скиапарелли и основал собственное ателье.

Узнав о приходе «мисс Хепберн», Живанши ожидал увидеть Кэтрин; к слову сказать, она никогда не отличалась изысканностью в одежде. Однако на пороге ателье появилась Одри – стройная, элегантная, словно специально созданная для моделей Живанши. Союз актрисы и кутюрье длился всю жизнь Одри; Живанши создал ее стиль, ее имидж, соединяющий сияние молодости, элегантность и изысканность. Его модели, изящные и гармоничные, как сама Одри, классически простые и вместе с тем оригинальные, Одри предпочитала не только на съемочной площадке, но и в обычной жизни, чем, без сомнения, сильно помогла росту популярности его ателье. В честь Одри Живанши назвал одну из тканей «Сабрина», и ей же он посвятил свои вторые духи – «L'Interdit». Особая концентрация духов выпускалась лично для нее.

Как это ни странно, Одри всю жизнь считала себя некрасивой, стеснялась своей худобы. А в нарядах от Живанши «гадкий утенок» расправлял крылья и чувствовал себя лебедем; Живанши дарил Одри уверенность в себе, в своих силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.